

РОССИЯ И ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080007554-6

РУССКИЙ «ДИПЛОМАТ-ОККУЛЬТИСТ»
В КОНСУЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ДЖИДДЕ

© 2019

В. В. НАУМКИН ^a^a – Институт Востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9644-9862; SCOPUS: 57193514428
director@ivran.ru

Резюме: Статья представляет собой исследование деятельности консульства Российской империи в Хиджазе – одном из аравийских вилайетов Османской империи через переписку секретаря консульства С.В. Тухолки с Министерством иностранных дел и Императорским посольством в Константинополе в конце XIX – начале XX в. Рассматривается внутривластительная ситуация в вилайете, в котором шла подковерная борьба между турецким вали – губернатором вилайета и «великим шерифом» – эмиром Мекки, а также между органами управления вилайета и бедуинскими племенами. Особое внимание уделено вопросам паломничества мусульман к местным святыням и роли консульства в обеспечении условий для пребывания в Хиджазе в сезон хаджа российских мусульман.

Ключевые слова: хадж, российская дипломатия, Османская империя, Хиджаз, чума, вали, шериф, Мекка, оккультизм.

Для цитирования: Наумкин В.В. Русский «дипломат-оккультист» в консульстве Российской империи в Джидде. *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 123–137. DOI: 10.31857/S086919080007554-6

RUSSIAN DIPLOMAT-OCCULTIST AT THE CONSULATE
OF THE RUSSIAN EMPIRE IN JEDDAH

© 2019

Vitaly V. NAUMKIN ^a^a – Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9644-9862; SCOPUS: 57193514428
director@ivran.ru

Abstract: The article offers a research into the diplomatic activities pursued by the Consulate of the Russian Empire in Hejaz – one of the Arabian vilayets of the Ottoman Empire – through the correspondence maintained by Consulate Secretary Sergey Tukholka with the Ministry of Foreign Affairs and the Imperial Embassy in Constantinople throughout the late 19th – early 20th centuries. The author highlights the internal political situation in the vilayet, where behind-the-scenes power struggle was underway between the Turkish Vali – the vilayet governor and the “great Sharif of Mecca” – the Emir of Mecca, likewise the strife between the vilayet authorities and Bedouin tribes. Special attention is paid to the issue of Muslim pilgrimage to the local sanctuaries and the role played by the Consulate in ensuring conditions for the Russian Muslims to stay safely in Hejaz during the Hajj season. The author analyzes the project originated by Tukholka to establish control over the Hajj and protect the Russian pilgrims from the ruthless exploitation they were subjected to by the *dalils*, their assistants – *wakils* and *mutawwifs*, who paid a kickback to the Mecca Sharif. Moreover, when the pilgrims died during the Hajj, their money was grabbed hold of either by the *dalils*, or by local authorities, or by those who accompanied the deceased. Given those facts, the Russian Consulate knew nothing about the death of pilgrims from Russia. The measures suggested by the Secretary of the Russian Consulate included the formation of groups among

the pilgrims each headed by the group chief who would be accountable to the Russian Consulate, and the use of exclusively Russian vessels to travel to Jeddah, also commissioning of two Russian officers from among the Muslim community to go to Jeddah over the Hajj period and making sure that the pilgrims could return home safely. However, these measures were never accomplished.

Keywords: Hajj, Russian diplomacy, Ottoman Empire, Hejaz, plague, wali, Sharif, Mecca, occultism.

For citation: Naumkin V. V. Russian Diplomat-Occultist at the Consulate of the Russian Empire in Jeddah. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6. Pp. 123–137. DOI: 10.31857/S086919080007554-6

Старинный русский город Вязники, стоящий на правом берегу р. Клязьмы в 93 км к востоку от Владимира, со множеством церквей и старинных зданий, в прошлом – один из центров льноткацкой промышленности... Сегодня это районный центр с населением всего в 35 тыс. человек. 25 февраля 1874 г. в Вязниках родился один из самых необычных русских дипломатов дореволюционной поры – Сергей Владимирович Тухолка. Его фамилия, по одной из версий, представляет собой прозвище предка семейства, бывшего, вероятно, каменщиком, поскольку оно восходит к болгарскому *тухла*, что означает *кирпич*. По другой версии, фамилия происходит от топонима Тухоля¹ – города в польском Поморье (сегодня Куявско-Поморское воеводство). По всей вероятности, семья будущего дипломата переехала во Владимир, где в 1892 г. Сергей с серебряной медалью окончил гимназию, а затем поступил на восточный факультет Санкт-Петербургского университета.

Сегодня нас бы удивило то, что именно на восточном факультете изучался албанский язык, по которому специализировался Тухолка. Однако в то время часть Балкан еще находилась под властью Османской империи, и если в географическом плане регион был Юго-Восточной Европой, то политически он сопрягался с Ближним Востоком. А Албанию с Востоком объединяло еще и то, что основная часть его коренного населения была исламизирована; кроме того, Турция считала албанских мусульман своей опорой на Балканах. Естественно, консульства Российской империи в городах региона были подчинены Императорскому посольству в Константинополе.

В Санкт-Петербурге Сергей жил в сохранившемся до нашего времени доме № 23 по улице Марата (бывшей Николаевской) и получившем название «Дома Тухолки». Дом был построен в 1830 г. и был так назван, вероятно, не позднее чем в 1840-е гг., когда его владелицей являлась Софья Тухолка, – как пишет Д.Ю. Шерих [Шерих, 2004], «вдова средней руки чиновника» (см. фото на цветной вклейке). Тухолка поступил на службу в Министерство иностранных дел, где быстро обратил на себя внимание, и в 1898 г. был направлен секретарем российского консульства в западноаравийский вилайет Турции – Хиджаз, располагавшийся в г. Джидда (ныне Королевство Саудовская Аравия).

Задачей данной статьи является выявление целей, задач и направлений деятельности российской дипломатии в Хиджазе на основе подхода, который принято называть по-английски *bottom-up*, т.е. «снизу вверх», через анализ содержания донесений, направлявшихся «наверх» секретарем консульства Российской империи в Джидде. В качестве референтного выбран период работы в конце XIX – начале XX в. в этом качестве С.В. Тухолки.

Историография изучения этой проблемы – работы российского консульства в Джидде – весьма ограничена, хотя по смежным проблемам, в том числе ситуации в Хиджазе, паломничеству и т.д., написано довольно много, но рассмотрение этого обширного пласта литературы не входит в задачи статьи, так как непосредственно не относится к ее те-

¹ В районе Тухоли в начале 1920-х гг. находился один из самых страшных лагерей для пленных красноармейцев, в котором умерло от голода, холода и болезней около 22 тыс. человек.

ме. Отдельно следует упомянуть одну опубликованную самим Тухолкой статью «Русские паломники в Хиджазе» [Тухолка, 1901] в издававшемся Министерством иностранных дел Российской империи «Сборнике консульских донесений». Она представляет собой сокращенное изложение одного из донесений, направленных дипломатом в МИД. Основная же масса использованных архивных материалов впервые вводится в научный оборот. В 2018 г. автором опубликована монография, посвященная более поздней эпохе, – советской дипломатии в Хиджазе/Саудовской Аравии в 1920–1930-е гг. [Наумкин, 2018], в первых разделах которой затрагиваются вопросы, связанные с темой данной статьи. Особое внимание в статье уделено роли личного фактора в проведении внешнеполитического курса государства (Российской империи).

Консульство России было открыто в Хиджазе в 1890 г. Несмотря на отдаленность вилайета от границ России, его политическая значимость была весьма велика, так как здесь располагались главные святыни ислама, к которым ежегодно прибывало в хадж по несколько тысяч паломников из России и ее среднеазиатских протекторатов. В священных городах Мекку и Медину въезд не-мусульманам был запрещен, поэтому ни Тухолка, ни сам консул – Владимир Владимирович фон Циммерман не могли видеть воочию, как проходит хадж. Всем вилайетом управлял турецкий губернатор – *вали*; главным лицом в Мекке был находившийся в его административном подчинении *эмир*, представитель хашимитов – рода пророка Мухаммада и его прямой потомок, «великий шериф», одновременно считавшийся духовным главой всех местных мусульман. Городом Джиддой управлял *каймакам*.

Работу дипломатов в Джидде осложняли не только невозможность посещения священных городов, но и невыносимый зной и тяжелые бытовые и санитарные условия. Тем не менее Тухолка быстро вошел в курс дела и в этой непростой обстановке быстро показал себя профессионалом. Его способности особенно ярко проявились в 1901–1903 гг., когда во время отсутствия фон Циммермана он в качестве управляющего консульством мог самостоятельно направлять донесения в МИД, другие ведомства и в Императорское посольство в Константинополь, где послом с 1897 по 1909 г. служил выдающийся российский дипломат и востоковед Иван Алексеевич Зиновьев. К 1901 г. Тухолка имел ранг титулярного советника (гражданский чин IX класса по Табели о рангах, соответствовавший чину штабс-капитана в пехоте и штабс-ротмистра в кавалерии). Обратимся к некоторым из депеш Тухолки, которые показывают его глубокое знание местной действительности, умение обобщать и анализировать информацию, а также креативность.

УПРАВЛЯЮЩИЙ КОНСУЛЬСТВОМ ЗАЩИЩАЕТ РОССИЙСКИХ ПАЛОМНИКОВ

Еще в 1900 г. фон Циммерман сообщал о нехватке воды в Джидде и о «неудаче попыток устроить здесь правильное водоснабжение ввиду противодействия владельцев цистерн» [АВПРИ, Политархив, Донесение от 27.11.1905, оп. 482, д. 771, л. 60об]. Теперь же Тухолка развивал эту важную для оценки бытовой обстановки в Хиджазе тему. В июне 1901 г. он писал императорскому послу в Константинополь, что Джидда по-прежнему снабжается водой прежде всего из цистерн, владельцы которых во время хаджа «бессовестно обирают паломников, пуская воду по очень дорогой цене» [АВПРИ, Политархив, Донесение от 8.06.1901, оп. 482, д. 775, л. 7]. При этом из-за плохого состояния цистерн вода была недостаточно чиста.

Однако цистерны наполнялись лишь в сезон дождей. В засушливое время, сообщал Тухолка, воду добывали также из небольших колодцев или ям, называвшихся на арабском *хуфра* и рывшихся за городом, на расстоянии одного-полутора часов пути, поскольку только в окрестностях Джидды подпочвенная вода имела в достаточном коли-

честве. Рытье ям и доставка воды требовали немало усилий, поэтому она стоила очень дорого.

Но даже в дождливые годы воды паломникам не хватало. В сезон хаджа, предшествовавший составлению донесения, дождей было немного. Вода продавалась по 15 франков за тонну и была «дурного качества» [Там же]. Запас воды, пополняемый из пригородных *хуфр*, имелся в то время только в четырех цистернах. В следующем году праздник окончания хаджа в месяц *зу-ль-хиджжа* – ‘ид аль-адха – приходился на март, а дожди в Джидде выпадали обычно в ноябре и декабре, поэтому паломников ожидало еще большее безводье.

Как сообщал русский дипломат, ранее Джидда снабжалась водой из водопровода «Хамидийе», идущего от водоема, находившегося на расстоянии двух часов пути от города. Однако в 1901 г. из этого водопровода не поступило ни капли воды, потому что, во-первых, он был испорчен и, во-вторых, уровень воды в водоеме был недостаточно высок.

Тухолка информировал о том, что в конце 1900 г. были прорыты четыре артезианских колодца системы «Нортон», но спустя девять месяцев два уже были неисправны, а два еле работали. Дипломат замечал, что этот путь мог бы быть перспективным, если поставлять трубы большего диаметра и хорошие насосы, но преимуществом его было то, что источники водоснабжения находились внутри самого города.

Неожиданно дипломат в своем сообщении послу начал давать рекомендации, которые следовало бы адресовать турецким властям: «Казалось бы желательным, чтобы турецкое правительство озаботилось обеспечением Джидды водой» [Там же]. Тухолка даже попытался убедить английского и французского консулов вместе с ним побудить турок «к устройству в Джидде правильного водоснабжения», однако безуспешно, поскольку те считали, что любое улучшение условий хаджа было бы не в интересах европейских держав, и полагали необходимым «пользоваться всяким случаем для его запрещения или ограничения». Выступая против такого весьма циничного подхода, Тухолка в присущей дипломатам того времени элегантно осторожной манере сделал вывод: «Мне кажется, что запрещение или ограничение хаджа по причине недостатков и злоупотреблений в водоснабжении Джидды представляет много неудобств» [Там же, л. 10].

За этими рассуждениями прослеживалась политическая позиция самого Тухолки, имевшего собственный взгляд на то, как надо решать проблемы Хиджаза и как строить российскую политику в отношении этой области. Следует отметить, что многие служившие в Джидде российские дипломаты выходили за рамки своих прямых обязанностей, часто направляя в центр весьма смелые предложения по поводу политики России и составляя неординарные пространные доклады, к примеру о хадже.

Защита паломников стабильно занимала приоритетное место в работе консульства. 20 июня 1901 г. Тухолка направил послу в Константинополе и директору Первого департамента МИД Н.Г. Гартвигу донесение «о бедных русских паломниках, оставшихся в Джидде» [АВПРИ, ф. Турецкий стол, оп. 502-Б, д. 3313, л. 9–10]. По данным консульства в Джидде, после хаджа оставалось примерно 900 паломников, не имевших никаких средств к существованию и, по сути, обреченных на голодную смерть. Чтобы помочь им, управляющий консульством 13 июня организовал ежедневную «даровую раздачу хлеба» 50–60 паломникам, оплачивавшуюся из пожертвований 1901 г. на благотворительные цели. Бюджет, естественно, не предусматривал подобные расходы, что сегодня вряд ли покажется удивительным. Тем не менее, как писал Тухолка, за это паломники во время раздачи хлеба «молитвенно поднимали руки и со слезами на глазах благословляли Государя Императора».

Управляющий сетовал на то, что «в основании хаджа лежит идея панисламизма, и турецкие власти поступают согласно ей, не делая никакого различия между хаджами раз-

личных национальностей». Это противоречило подходу России: «Для нас, наоборот, важно сохранять в наших паломниках сознание их национальности, и посему я считал полезным напомнить им, что у них есть свое Консульство, готовое о них позаботиться».

А положение этих людей было, действительно, тяжелым. Среди них наблюдалась высокая смертность, помочь им было некому, а консульство, естественно, не могло содержать такое количество людей. В Мекке были *текие*, где бесплатно кормили нищих паломников, но им было не на что добраться туда. Управляющий писал: «Я усиленно настаиваю на том, что мы никак не должны бросать в Хиджазе наших мусульман, умоляющих отправить их на родину».

Турецкое же правительство никак не давало парохода, чтобы переправить несчастных в Стамбул. Тухолка считал необходимым просить турецкие власти «о даровом отвозе наших хаджей» в турецкую столицу, и *каймакам* обещал ему содействие. Однако проблема состояла в отсутствии парохода, и дипломат предлагал заставить турецкое правительство дать пароход через Санитарный совет. А по прибытии в столицу было бы желательно, писал Тухолка, чтобы «они были оправлены даром до Батума на русском пароходе. В противном случае выйдет, что Турецкое правительство более о них заботится, нежели их собственное. Расходы же можно с них потом востребовать». Он «почтительнейше» просил о содействии посла, чтобы паломники не были оставлены в Стамбуле без забот.

Изобретательный дипломат не только просил о помощи паломникам, но и предлагал решения проблемы, затруднявшей работу консульства и наносившей ущерб репутации России. «Избежать этого можно бы, установивши для паломников систему обратных билетов, то есть чтобы пароходы забирали паломников в русских портах и выдавали им билеты до Джидды и обратно». Кроме того, он считал, что можно было бы заставлять паломников, высаживавшихся в Джидде, оставлять в консульстве денежные депозиты. Однако «1) при теперешних условиях хаджа и при настоящем составе консульства это почти неисполнимо и 2) тогда нужно или выдавать им обратно депозиты в гор. Ямбо, или требовать, чтобы все хаджи после посещения Медины возвращались в Джидду». И еще одна идея управляющего: разрешить консульству делать расходы на возвращение неимущих паломников на родину, чтобы эти средства были взысканы с них по месту жительства, а в случае их несостоятельности – с их общин. Эти общины следовало бы предупредить заранее, что они будут нести финансовую ответственность «за возвращение неимущих паломников из их среды и что им надлежит следить, дабы бедные не уезжали в хадж».

ТУХОЛКА ПРЕДЛАГАЕТ ПЕРЕСМОТРЕТЬ РОССИЙСКУЮ ПОЛИТИКУ В ОТНОШЕНИИ РЕГИОНА

Тухолка в своих донесениях не ограничивался сугубо практическими вопросами. 25 июля 1901 г. в секретном донесении послу в Константинополе он представил свои соображения о задачах политики Российской империи в Хиджазе и на турецком направлении в целом. Воспользовавшись ситуацией, когда он остался исполнять обязанности консула (точно так же поступали другие управляющие, к примеру Ф.Ф. Никитников и М.Э. Никольский), он пытался обратить на себя внимание начальства общими, масштабными идеями и предложениями. Для исследования российской политики того времени в регионе соображения работавшего там дипломата представляют и сегодня несомненный интерес, тем более что базировались они на довольно адекватной оценке ситуации в Хиджазе.

Тухолка писал о двоякой задаче: «1) по возможности отнять у Мекки ее значение, а пока следить, дабы ее влияние не сказывалось нежелательным образом в наших мусуль-

манских владениях, и 2) наблюдать, дабы наши мусульмане не были во время хаджа жертвами разбоев, эксплуатации и дурных санитарных условий» [Там же, л. 14]. Если выполнение второй задачи представлялось гипотетически понятным, то первая рождала немало вопросов, в частности о том, какими же средствами она могла быть реализована. Автор донесения пытался дать на это ответ, полагая, что добиться своих целей можно было не иначе как через Турцию. Говоря о «противоположном предположении», т.е. возможности влиять непосредственно на «мекканского шерифа, арабов и бедуинов», что означало бы допущение отделения Хиджаза от Турции, Тухолка писал, что было «еще не видно, чтобы Турция не могла удержать Хиджаза». Но даже если бы это случилось, считал секретарь, для прямого влияния на Хиджаз были препятствия, а именно: «1) бедуинские племена постоянно враждуют между собой, 2) арабский элемент в Хиджазе именно и представляет корень панисламизма, 3) дабы влияние было действительно, может, пришлось бы прибегнуть к военной силе» [Там же]. В подобной ситуации державам к тому же пришлось бы действовать сообща, так как одна не позволила бы захватить власть в Хиджазе другой (имелись в виду, очевидно, Россия и Англия); кроме того, каждой державе, имевшей мусульманских подданных, «лучше бы остеречься от возбуждения мусульманского фанатизма против себя одной». Идея разделения ответственности за рискованную политику с другими государствами была, конечно, не новой.

Секретарь консульства делал вывод: лучше всего, чтобы Хиджаз оставался в руках турок, ибо Россия имела возможность воздействовать на Турцию в Константинополе. Однако для этого было важно, чтобы сама Турция пользовалась необходимым влиянием в Хиджазе; на самом же деле там господствовала анархия. Этот вывод Тухолка аргументировал следующим положением: «пределы власти Вали и Шерифа недостаточно разграничены; Вали во всем уступает Шерифу; власти и жители обирают паломников, а бедуины разбойничают» [Там же]. Выход дипломату виделся в том, чтобы турецкое правительство назначило в Хиджаз энергичного и честного вали, чтобы шериф был подчинен вали под страхом смещения, а бедуины были усмирены войсками, и им исправно выдавались бы субсидии.

Эти предложения также следовало бы адресовать самому турецкому правительству, для которого, правда, их реализация оказалась бы чрезвычайно затруднительна. Тем не менее дипломат рассчитывал на благоприятную для него реакцию начальства, так как в качестве следующего шага считал необходимым, чтобы Турция провела благоустройство Хиджаза, а это сопровождалось бы усилением европейского влияния. Назывались, в частности, такие меры, как устройство фортов в Джидде, снабжение Джидды и Янбо водой, проведение телеграфа от Янбо в Медину и железной дороги от Джидды до Мекки и т.д.

Сама Турция получила бы выгоды от такого благоустройства вилайета. Автор донесения считал, что реализация его плана (к чему российская дипломатия, по его замыслу, видимо, должна была склонить турок) позволила бы не только уменьшить идущую от Хиджаза опасность и удовлетворить Турцию, но и одновременно ослабить угрозу, которую представляла для Российской империи она сама. Арабы Хиджаза и так тяготились господством турок, видя в них «носителей европейской цивилизации, противной духу ислама». По плану, предлагавшемуся российским дипломатом, турки упрочили бы в Хиджазе свою власть и занялись проведением реформ, в результате чего арабы были бы «еще более озлоблены против них, и поэтому туркам будет трудно воспользоваться арабским элементом для усиления своего влияния между чужеземными мусульманами» [Там же, л. 101об].

Дипломат писал, что в результате предлагаемых мер «державы добьются от Турции, чтобы Мекка и Медина были открыты для европейцев; тогда туда поедут санитарные чиновники, предприниматели, агенты, инженеры, торговцы и пр. Державы назначат туда

консульских представителей сначала из мусульман, а потом из христиан. Тогда: 1) Мекка будет считаться оскверненной гяурами и отчасти утратит свое значение среди мусульман, 2) хадж потеряет свой своеобразный фанатический характер и со временем, может быть, уменьшится, 3) консульские представители будут в состоянии следить за идеями панисламизма и вовремя предупреждать против них свое правительство» [Там же]. Сегодня такие идеи могут показаться бредовыми, каковыми они, впрочем, были и тогда, чего не мог не понимать сам управляющий. Однако он считал, что хорошо уловил общий настрой начальства, которому его мысли, следовательно, понравятся (к сожалению, некоторые дипломаты порой руководствуются этим и в наши дни).

Но, несмотря на большую активность в направлении донесений в императорское посольство в Константинополе, Тухолке не удалось завоевать расположение начальства как раз потому, что его предложения не сопрягались с пониманием хиджазской, да и турецкой действительности. Однако ознакомление с предложениями секретаря консульства полезно для того, чтобы сформировать представление об образе мыслей работавших в регионе российских дипломатов того времени и разнообразии их взглядов на цели и методы проведения российской политики в Хиджазе. Наивный и оторванный от жизни проект Тухолки он самонадеянно назвал: «Распространение в Хиджазе европейской цивилизации и влияния через Турцию, но под общим контролем держав».

ТУХОЛКА СООБЩАЕТ О ВНУТРЕННИХ РАСПРЯХ В ВИЛАЙЕТЕ

Еще один интересный сюжет из донесений титулярного советника. Пристальное внимание российских дипломатов привлекло нападение аравийских бедуинов на хиджазского вали. В июне 1901 г. вали Хиджаза Ахмед Ратиб-паша отправился из Мекки в свою летнюю резиденцию в Таифе в сопровождении конвоя с четырьмя небольшими орудиями. Как сообщал императорскому послу в Константинополе Тухолка 1 июля того же года, во время перехода на него напали бедуины, отбили и увезли одно орудие, убив четырех солдат и ранив одного офицера [АВПРИ, ф. Политархив, 1901, оп. 482, д. 775, л. 14].

Дипломатам было важно не столько получить информацию о данном событии, сколько на этом примере разобраться в необычной ситуации, существовавшей в Хиджазе. Их вывод состоял в том, что «здешние бедуины в сущности никогда не признавали и не признают турецкой власти, и в их пустынях эта власть ничем не проявляется, ибо они даже не платят податей». Бедуины, сообщил Тухолка, признавали лишь авторитет мекканского шерифа, поэтому Ратиб-паша действовал во всем в согласии с ним, и «оба они бессовестно обирают и хиджазцев, и паломников» [Там же, л. 14об].

Тот факт, что бедуины усиленно занимались разбоем, российский дипломат объяснял тем, что шериф не выдавал им всех причитающихся денег и хлеба (об этом, в частности, писал Тухолка в донесении от 28 мая 1901 г.). Ходили слухи, что шериф имел от их разбоев свою долю, турецкие же власти им тоже потворствовали, будучи озабочены восстанием в Йемене и напряженностью в Асире. По данным российского консульства, бедуины были недовольны намерением турецкого правительства провести в Хиджаз телеграф и железную дорогу. В донесении Тухолки императорскому послу в Константинополе от 4 июля 1901 г., копия которого, как обычно, была направлена Н.Г. Гартвигу, сообщалось, что в тот день 200 бедуинов из племени *харб* на 100 верблюдах подошли на близкое расстояние к воротам Мекки, намереваясь захватить стоявших там верблюдов и грузившийся на них товар. После того, как туда прибыл отряд полиции, бедуины отошли. «Разбой бедуинов здесь – обычное дело», – комментировал это событие управляющий консульством, подчеркивая, что не придает этому факту особого значения.

Консульство отмечало, что шериф Аун Рафик-паша был назначен на свою должность «в обход лиц, имеющих на сие более прав» [Там же, л. 15]. Он не был популярен среди

арабов, и в Константинополе жило несколько потенциальных претендентов на пост шерифа, о возможности назначения которых консульство ранее информировало посла. Разработка прогноза возможных изменений в местных властных структурах, вне сомнений, входила в круг обязанностей российских консульских работников.

Несмотря на малочисленность персонала, консульство отслеживало перемещения войск в Хиджазском вилайете. В сообщении от 1 сентября 1901 г. говорилось о прибытии в Джидду турецкого парохода с 850 солдатами на борту, из коих 250 высадились в Джидде, а 600 отправились в Йемен [Там же, л. 108]. Без учета вновь прибывших в Хиджазе находилось всего 5–6 тыс. солдат, в том числе в Джидде – 2 батальона (или «табора») в 600 человек, в джиддской «крепостце» – 4 крепостных и 2 полевых орудия новых образцов. В Мекке, Таифе и мелких фортах турки держали 12 батальонов пехоты в 3000–3500 человек, в Медине – 4 батальона в 1000 человек, кроме того, в Мекке и Таифе стояло 400 кавалеристов. Количество пушек оценивалось консульством в 22. Мекканский шериф имел в своем распоряжении отряд бедуинов в 600 человек и до 80 человек личной стражи.

Управляющий консульством также информировал посла о бунте солдат, начавшемся в Хиджазе 30 сентября 1901 г. Среди 800 солдат джиддинского гарнизона 250 к тому времени уже два года как отслужили свой срок, а жалованье они не получали в течение целого года. Аналогичное положение существовало и в других городах Хиджаза. У властей не было средств ни для выплаты им жалованья, ни для отправки их домой. В тот день 40 солдат с ружьями заняли базарную мечеть и заявили, что не покинут ее, пока им не выплатят жалованья и не отправят на родину. Вслед за этим 500 солдат мекканского гарнизона с тем же требованиями заняли большую мечеть Каабы [Там же, д. 772, л. 111–111об].

11 сентября консульство сообщило, что солдаты все еще занимают мечеть. *Каймакам* Джидды рассказал, что для выплаты жалованья и отправки на родину 1800 отслуживших срок солдат было нужно 20 тыс. турецких лир, денег же в казне не было.

Открытое выражение недовольства солдатами позволило бедуинам воспользоваться ситуацией для активизации грабежей, в результате чего дорога из Мекки в Медину оказалась совсем закрытой. Дорога из Джидды в Мекку контролировалась несколькими шейхами. Тухолка считал, что «все заинтересованные державы могли бы требовать от Порты введение в Хиджазе хорошего управления и порядка», причем «угроза запретить хадж произвела бы влияние как на турецкое правительство, так и на властей и жителей Хиджаза». Консульство справедливо полагало, что Порта не имела полной информации о хиджазских беспорядках, «ибо и Вали, и Шериф принимают строгие меры против доносчиков» [Там же, л. 112].

Лишь 7 ноября управляющий консульством передал послу в Константинополь и в МИД Гартвигу информацию о том, что солдаты получили, наконец, отпускные листы и согласились вернуться в казармы в ожидании турецкого судна, которое должно было отвезти их на родину [Там же, д. 775, л. 118].

САНИТАРНАЯ ОБСТАНОВКА В ХИДЖАЗЕ И ОЦЕНКА ПОСЛЕДСТВИЙ ОТСУТСТВИЯ КОНТРОЛЯ НАД ПАЛОМНИЧЕСТВОМ

Консульство проявляло большой интерес к санитарной ситуации в вилайете. Еще в донесении № 106 от 11 июня 1900 г. из Джидды фон Циммерман сообщал Зиновьеву: «Мероприятия по отношению к ограничению хаджа в Индии подавали в нынешнем году надежду на значительное уменьшение шансов занесения оттуда в Джидду чумной заразы» [АВПРИ, Посольство в Константинополе, оп. 517/2, д. 5310, л. 6–11]. Консул полагал, что, поскольку в Джидде в целом уменьшилась смертность и улучшилась санитарная обстановка благодаря усилиям санитарного инспектора доктора Пампураса и вновь назначенного *каймакама* Али Юмни-бея по обеспечению чистоты улиц и домов, город

минует чума. Однако после возвращения паломников из Мекки 10 апреля смертность резко возросла, а 13-го был зафиксирован первый случай гибели от чумы.

Это был прибывший из Мекки местный купец, от которого заразились и другие люди. Консульство считало необходимым информировать Санкт-Петербург о мельчайших деталях развития ситуации. Важность вопроса была связана с участием «русско-подданных» в хадже – ведь эпидемия, случись она в результате проникновения заразы в Хиджаз, могла проникнуть в Россию и находившиеся под ее протекторатом области Центральной Азии – Бухарский эмират и Хивинское ханство. Сообщались и имена заразившихся, и все возможные пути проникновения инфекции в Мекку и Джидду, и число заболевших, в том числе излечившихся и умерших, в составленных в консульстве таблицах по датам. Фон Циммерман предполагал, что чума была занесена в Мекку с паломниками из Хадрамаута или Омана, а то и «контрабандным путем» из Индии, но сообщал и о других версиях: она могла попасть сюда из Суакима через Ямбо, а также из Асира. Консул подробно описывал, как велось лечение больных, позитивно оценивая действия Пампураса, и даже предлагал, чтобы Петербург дал ему «необходимые средства для улучшения состояния госпиталя, который существует покамест в самом примитивном виде». Из 100 заболевших чумой на конец мая выздоровело лишь 23. Общая же смертность среди вернувшихся паломников с 6 по 30 апреля достигла 101 человека, в мае – 80. Но чуму удалось достаточно быстро остановить.

Консул писал: «В заключение настоящего донесения осмеливаюсь остановить просвещенное внимание Вашего Высокопревосходительства на желательности оказать возможную поддержку местному Каймакаму и здешнему Санитарному инспектору в стараниях их и заботливости по поводу сохранения города в чистоте и применения необходимых мер». Фон Циммерман с удовлетворением отмечал, что на улицах Джидды уже не было куч мусора. Он также информировал и о смертности в городе от оспы, которая была невелика: 28 случаев в апреле и 29 в мае.

Но русская дипломатия видела угрозы для России, связанные с хаджем, не только в санитарно-эпидемиологической обстановке в Хиджазе. В этом контексте представляет интерес донесение, направленное Тухолкой в отсутствие консула примерно в тот же период, а именно 27 мая 1901 г., в Первый департамент МИД (копия – императорскому послу в Константинополе) за № 135. В нем Тухолка излагал свой тщательно разработанный и весьма оригинальный проект организации паломничества.

Управляющий консульством начинал депешу с обескураживающе прямого и, казалось бы, по нынешним временам, политически некорректного вывода: «Прежде всего, мне кажется, что паломничество русских мусульман в Мекку весьма нежелательно для России: хадж поддерживает мусульманский фанатизм, укрепляет в паломниках веру в могущество ислама, так как в Хиджазе мусульмане чувствуют себя полными господами и распространяют идею всех мусульман. Мекка и Медина представляют центры ислама, которые благодаря хаджу находятся в постоянном сношении со всеми мусульманскими странами, и религиозно-политические волнения в последних в большинстве случаев берут начало в Хиджазе» [АВПРИ, ф. Турецкий стол, оп. 502-Б, д. 3313, л. 1–7об]. Не стоит видеть в этом утверждении проявление какой-либо исламофобии: вопрос рассматривался в контексте обеспечения внутренней безопасности в разросшейся Российской империи, которая считала себя обязанной защищать своих подданных от всех исходящих извне угроз. Опека над мусульманами не предполагала враждебное отношение к исламу как к религии, о чем, за некоторым исключением, убедительно свидетельствуют депеши дипломатов. Власти считали необходимым парировать угрозы беспорядков, которые могли бы распространиться на мусульман из числа российских подданных, а также на население протекторатов из европейских колоний. Религиозно-идеологический контекст, характерный для советской репрессивной политики ограничения хаджа, здесь отсутство-

вал; угрозу видели исключительно в панисламизме как орудии распространения в России политического влияния чужих держав, а Хиджаз рассматривался как источник опасной индоктринации российских мусульман радикальными политическими идеями, что связывалось также с происками враждебных России османов.

Тухолка также считал, что хадж был невыгоден для государства и с экономической точки зрения. Он, во-первых, «отрывает мусульман на много месяцев от работы, и, во-вторых, паломники вывозят из России и оставляют в Хиджазе массу денег». Кроме того, там «все эксплуатируют хаджей, начиная с Вали и Шерифа и кончая последними бедуинами». Таким образом, ограничительные меры, как мыслилось, были продиктованы не только соображения государственной безопасности, но и заботой о паломниках, необходимостью защитить их от эксплуатации.

Речь ни в коем случае не шла о прямом запрещении, которое как раз и было бы червато беспорядками. «Французский консул говорил мне, – сообщал Тухолка, – что, по имеющимся у него сведениям, хиджазские мусульмане, недовольные запрещением хаджа для алжирцев в течение нескольких лет подряд, подготовили возмущение в Алжирии, что Меккский шериф посылал туда с этой целью эмиссаров и успел бы в своих происках, если бы хадж не был разрешен в этом году». Дипломат делал вывод, что прямо запретить хадж «представляется небезопасным, ибо это могло бы усилить фанатизм мусульман и вызвать среди них волнения». И далее: «Следует стремиться ограничить и прекратить хадж путем косвенных мер и, по возможности, не нарушая правил ислама».

Похоже, Тухолка хорошо знал, что хадж относится к «пяти столпам» мусульманской религии и что в обязанность мусульманину вменено хотя бы раз в жизни совершить паломничество к святым местам (но он знал также и о существовавшей практике совершения хаджа по поручительству другим человеком за плату). Акцент делался на защите мусульман: «Дабы несколько устранить вредные стороны хаджа (политическое влияние на паломников и их экономическая эксплуатация), следует, по возможности, не выпускать хаджей из-под нашего контроля и из-под нашей защиты». Исходными точками проекта консула должны были стать, во-первых, ограничение хаджа и, во-вторых, «поставление его под наш контроль и защиту».

В рамках этих двух направлений предлагался комплекс мер. Об ограничении хаджа в донесении говорилось:

«1) Ежегодно многочисленные хиджазцы, преимущественно далили или мутаавифы, то есть руководители хаджей, устремляются в Крым, Казань, наши среднеазиатские владения, в Коканд, в Бухару с целью вербовки паломников. Они везут с собой для продажи разные священные мусульманские предметы и принимают заказы на *бедель-хадж* (совершение хаджа заместителем за деньги). Эти люди – несомненно вредные. Посему казалось бы желательным ограничить право хиджазцев на въезд в Россию подобно тому, как это сделано по отношению к иностранным духовным лицам и к иностранным евреям. Хиджазцев, уже проехавших в Россию с целью пропаганды хаджа, следует немедленно высылать за границу.

2) Пользоваться всяким удобным случаем для временного запрещения хаджа или для ограничения его известным числом мусульман. Запрещение хаджа во время последних чумных эпидемий

3) Не позволять хадж более одного раза, ибо и мусульманская религия к сему не обязывает.

4) Не позволять хадж лицам моложе 21 года. Необходимость оставлять дома детей может иногда остановить родителей от хаджа или, по крайней мере, заставить их скорее возвратиться.

5) Позволять хадж только лицам, имеющим с собою не менее 400–500 рублей, ибо меньшая сумма недостаточна на путешествие и на все расходы по хаджу. Кроме того,

уезжающие в хадж должны обеспечить на время своего отсутствия свои семейства и уплату пошлин. Можно даже требовать от каждого залог на случай нарушения им правил совершения хаджа».

Дипломат приводил примеры того, что происходит с паломниками, которые выезжают в хадж с 100–150 рублями в кармане. Иногда их возят даром на пароходе из Константинополя до Джидды. Оставшись без денег на обратный путь, они задерживаются в Хиджазе, голодают, умоляют консульство отправить их домой. Одним удается бесплатно доплыть до Константинополя, другим до Басры, третьи умирают или остаются здесь навсегда.

«б) По возможности ограничить самое время хаджа, а именно рассчитывать выход паломников из России так, чтобы они прибывали в Мекку незадолго до праздника Курбан-Байрама (9-е число месяца зу-ль-хиджжа), а затем, по посещении хаджами Медины, требовать их немедленного возвращения на родину».

И здесь Тухолка приводил примеры того, как многие паломники прибывали в Мекку в месяцы шаабан и рамадан. Те, кто прибывал в Хиджаз до 15-го зу-ль-каада, как правило, сначала шли в Медину, а оттуда возвращались в Мекку к курбан-байраму. Те же, кто прибывал после 15-го зу-ль-каада, обычно дожидались праздника в Мекке и лишь потом шли в Медину. Большинство предпочитало предварительно посетить Мекку. «Посему, – считал управляющий консульством, – в видах однообразной организации хаджа желательно бы всех паломников отпускать из России с таким расчетом, чтобы они были в Джидде в конце зу-ль-каада до 1-го зу-ль-хиджжа».

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО УСИЛЕНИЮ КОНТРОЛЯ НАД ХАДЖЕМ И ЗАЩИТЕ ПАЛОМНИКОВ

Далее в донесении рассматривались возможные меры по «поставлению хаджа под контроль и защиту» – второго направления предлагаемых действий проекта Тухолки.

Подробнейшим образом описывалась та безжалостная эксплуатация, которой подвергались российские паломники. Это и грабеж со стороны *далилей*, помощников *далилей* – *вакилей* и *мутававифов*, которые платили большую мзду мекканскому шерифу. Паломников обирали их сообщники в Константинополе, Александрии и Суэце. Не знающим языков паломникам продавали билеты втридорога. В Джидде паломники устраивались в *текие* – странноприимных домах, либо в частных жилищах, иногда их собиралось разных национальностей до отъезда в Мекку до 10 тыс. человек, а по возвращении из Мекки – до 16 тыс. Воду им приходилось покупать по очень высокой цене. Они были вынуждены платить высокую цену хозяевам верблюдов (на них добирались до Мекки), находившимся в сговоре с *далиями*. В том году из-за большого наплыва паломников перед самым праздником цена на верблюда доходила до 27 *меджидов*, в то время как в прошлые годы она была 5 *меджидов*. Часть этих денег оседала в карманах *далилей*, а львиная доля шла шерифу, который, в свою очередь, делился с хиджазским вали Ахмедом Ратиб-пашой. Из-за этой всем известной коррупционной схемы и шериф, и вали имели репутацию «взяточников и грабителей». Они еще облагали паломников дополнительными поборами, к примеру, в том году это были сборы на постройку железной дороги.

А когда паломникам нужно было идти из Мекки в Медину, они выбирали один из двух путей: либо напрямую 12 дней по суше, либо по суше 2 дня до Джидды, потом 1 день морским путем до Ямбу и оттуда сушей 4–5 дней до Медины. Первый путь был дольше и опаснее, так как можно было подвергнуться нападению бедуинов, но он был предпочтительнее для шерифа и вали, поэтому шериф не давал паломникам идти на Джидду под угрозой штрафа. Он даже отправил отряд в 500–600 солдат на дорогу в Джидду, чтобы не дать пройти по ней паломникам. Взбунтовавшимся паломникам из

Алжира вали позволил воспользоваться вторым путем, испугавшись пришедшего в Джидду французского военного судна «Infernet».

Грабежи бедуинов Тухолка также относил на счет шерифа, который получал от турецкого и египетского правительств деньги и зерновой хлеб для раздачи племенам, но выдавал, естественно, только часть, остальное же клал себе в карман и делился с вали. Бедуины могли лишь «вознаграждать себя разбоями». Некоторых *далилей*, сообщал дипломат, подозревали в сговоре с разбойниками – они указывали тем наиболее богатых паломников, которых иногда не только грабили, но и убивали. *Далили* еще собирали в дороге с паломников деньги, якобы чтобы откупиться от бедуинов, но забирали их себе.

А когда российские паломники умирали во время хаджа, их деньги присваивались либо *далилями*, либо местными властями, либо спутниками умерших. Консульству же, как правило, было ничего не известно о смерти паломников.

«Ввиду всего вышеизложенного, – писал Тухолка, – необходимо дать хаджу прочную организацию, а именно организовать хаджей, так сказать, на военный лад, поставить среди них ответственных начальников и направлять всю эту массу по нашим указаниям». Для этого предлагалось:

«1) Образовать из паломников отдельные группы в 20–25 человек. Каждая группа, по возможности, из одной местности. Во главе каждой группы – ответственный за нее староста, утверждаемый местными властями. Староста должен иметь список всех хаджей его группы и имеющихся у каждого денег. Желательно, между прочим, чтобы сумма денег каждого хаджа проставлялась также и на его паспорте». Предполагалось, что староста будет представлять интересы группы перед местными властями и направлять отчет в консульство.

2) Обязать всех хаджей плыть морем на Джидду (что они, впрочем, и теперь делают) и организовать это путешествие исключительно на русских судах».

Именно так поступали французы, причем французские суда вносили залог властям, дожидались паломников, возвращавшихся из Мекки, в Джидде, затем везли их в Ямбу, дожидались их из Медины и везли домой в Алжир. В том году, сообщал дотошный Тухолка, между 2 и 8 марта французские пароходы перевезли примерно 5 тыс. паломников; начало курбан-байрама приходилось на 17 марта, паломники начали возвращаться в Джидду к 28 марта, 4 апреля суда были в Ямбу, а в 20-х числах апреля они отплыли в Алжир. Все путешествие длилось примерно 70 дней, а средняя стоимость пароходного билета была 300 франков.

Предполагалось, что во время эпидемий российское правительство могло бы легко установить для своих судов необходимые меры и осуществлять контроль над возвращением паломников. Предлагалось заручиться категорическим предписанием Порты хиджазскому вали не задерживать паломников, желавших идти в Мекку через Джидду–Ямбу, а также обеспечивать их свободное возвращение из Мекки в Джидду.

«3) При организации хаджа на русских пароходах и заходе последних в Ямбу сделается необходимым назначение консульского агента в этом городе на время хаджа.

4) Желательно на время хаджа отправлять консульского агента (мусульманина) также в Мекку и в Медину. Во-первых, его официальное там присутствие будет иметь немалое моральное влияние и, во-вторых, он будет наблюдать за хаджами и защищать их. Здешний английский вице-консул, мусульманин из Индии и врач по образованию, несколько раз бывал в Мекке во время хаджа и, хотя он приезжал туда под видом паломничества, это ему не мешало являться к Вали и говорить о делах».

Тухолка также предлагал направлять в консульство на время хаджа «двух верных чиновников-мусульман» из России, например из ее среднеазиатских владений, которые бы командировались консульством в Мекку, Медину и Ямбу на время пребывания там рус-

ских паломников. Он считал нужным еще направлять на сезон хаджа в консульство секретаря или русского письмоводителя, например, из Туркестанского края.

Для покрытия связанных с этими мерами дополнительных расходов управляющий консульством предлагал либо обложить мусульман «лишним налогом на хадж», либо обложить сбором пароходы для хаджей или на билеты. Управляющий консульством писал: «При проведении помянутых мер в жизнь нам, понятно, может быть очень полезно мусульманское духовное начальство в России, которое должно разъяснить мусульманам целесообразность этих мер и их соответствие с религией».

Рекомендации Тухолки, среди которых наряду с ненужными были и отдельные вполне разумные, естественно, не могли полностью быть реализованы, хотя и оказали некоторое влияние на формирование политики российских властей в отношении паломничества подданных империи и среднеазиатских ханств в Хиджаз². Но некоторые из его идей в том или ином виде периодически повторялись в дальнейшем в депешах других работавших в Хиджазе российских дипломатов.

БАЛКАНЫ И УВЛЕЧЕНИЕ ОККУЛЬТИЗМОМ И МАГИЕЙ

Хотя главной задачей этой статьи является рассмотрение работы секретаря консульства С.В. Тухолки именно в Хиджазе, учитывая наш интерес к работе этого дипломата и на других этапах его карьеры, необходим краткий экскурс в ее историю. Успешно поработав в Джидде, Тухолка распрощался с Аравией, получив новое назначение – на должность вице-консула в Призрене – городе, населенном преимущественно албанцами, в крае Косово и Метохия (тогда этот край был Косовским вилайетом). Призрен являлся центром Призренского санджака, который впоследствии, после Первой балканской войны, в 1912 г. был включен в состав Сербии. Там Тухолка, сменивший А.М. Петряева, пробыл до 1906 г.

За время своей долгой дипломатической карьеры он успел послужить как на Ближнем Востоке – секретарем консульства в Дамаске, консулом в Басре, генеральным консулом в Багдаде, так и на Балканах – помимо Призрена – «комиссаром великих держав» на Крите, консулом в Косовской Митровице, генеральным консулом в Скопье (Македония), наконец, с 1913 по 1920 г., консулом в Варне. Дослужился до ранга действительного статского советника (гражданский чин IV класса Табеля о рангах, соответствовавший чину генерал-майора в армии и контр-адмирала на флоте). Часто писал в журнале «Весы», а также в газете «Южное слово». С 1920 г. находился в эмиграции в Константинополе, где защищал интересы русских беженцев. С 1922 г. вплоть до своей смерти в 1954 г. жил в Париже, занимался переводами, публицистикой, был членом русской масонской ложи «Юпитер».

Кратко коснемся некоторых аспектов его деятельности на Балканах и ее общественной оценки.

Работая в российских консульствах в балканских вилайетах Османской империи, где сербское православное население регулярно подвергалось насилию со стороны албанских мусульман и дискриминации со стороны турок, он завоевал стойкую репутацию защитника сербов. Ю.П. Аншаков пишет, что, когда в начале 1900-х гг. возник вопрос о переводе вице-консула из Призрена в г. Битоли в Македонию, сербская православная община в Пече обратилась с прошением к И.А. Зиновьеву оставить его в Призрене, так как он «показал себя действительным приятелем мученического сербского народа; в нем народ наш видит настоящего своего защитника и искреннего приятеля»³ (цит. по: [Аншаков, 2014, с. 176]).

² Отдельные рекомендации дипломата вошли в упомянутую выше статью Тухолки в «Сборнике консульских донесений» МИД.

³ Сербская церковно-школьная община – И.А. Зиновьеву. 28 сентября (11 октября) 1903 г. [АВПРИ, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 2021, л. 291–293].

При этом, будучи высококвалифицированным албанистом, он умел поддерживать контакты с албанским населением и, вероятно, не вызывал столь жесткого отторжения со стороны албанских мусульман ни в Призрене, ни позднее в Косовской Митровице (Косовский вилает Османской империи), как некоторые из его предшественников, к примеру талантливый дипломат, полиглот, в совершенстве владевший многими восточными и западными языками, консул в Митровице Г.С. Щербина, смертельно раненный 18 марта 1903 г. мстившим за албанских мусульман отбашой полка турецких пехотинцев.

В Косовской Митровице Тухолка стал российским консулом в начале 1907 г. Отсюда он настойчиво предлагал принять экстренные меры для спасения сербов от насилия со стороны албанского населения в Ипекском, Призренском и Приштинском санджаках, в том числе введения постоянного военного положения, полного разоружения албанцев или даже, в качестве крайней меры, введения туда международного контингента войск⁴ [Там же, с. 177].

А после начала младотурецкой революции 1908–1909 гг., когда отношения между сербами и албанцами в вилаете и положение сербов в целом стали быстро меняться к лучшему, Тухолка предлагал, чтобы европейские державы (весьма напоминает высказываемые им еще в Хиджазе идеи разделения ответственности между Россией и европейцами) либо полностью разоружили албанцев в Старой Сербии (северная часть Косовского вилаета) и привели их в полную покорность, либо отделили ее от Турции, воссоединив с Сербией и частично с Черногорией, либо создали особое албано-сербское княжество. Предлагался также и вариант с выделением территории Старой Сербии в автономную провинцию⁵ [Там же, с. 178–179]. Как мы видим, и здесь в своих донесениях дипломат проявлял вызывающую смелость и креативность, замахиваясь на сценарии, касавшиеся крупных вопросов внешней политики Российской империи и широкого спектра ее взаимоотношений с зарубежными государствами, в том числе с мировыми державами, как это было и в самом начале его профессиональной карьеры в Аравии.

Теперь самое удивительное в бурной жизни этого человека – то, что кажется несовместимым с его профессиональной деятельностью дипломата. Он увлекался историей оккультизма, мистики, магии и колдовства, писал об этом ставшие популярными труды и выступал с публичными лекциями. Конечно, в то время всякого рода мистика и «оккультные науки», спиритизм и гадания были популярны в определенных кругах русской интеллигенции, и в какой-то мере его углубленные занятия историей мистики и оккультизма могли быть и данью моде. Но все же, неужели этот поднаторевший в тонкостях дипломатии высокообразованный балкановед-албанист (он в 1913 г. даже опубликовал в Санкт-Петербурге «Краткое руководство к албанскому языку» /см. фото/), политик и вполне рациональный человек действительно верил в антинаучные (и к тому же антихристианские) фантазии, о которых он с таким глубоким проникновением в предмет писал? Некоторые пассажи в его трудах дают основания так считать. Или же эта сфера общественной жизни интересовала его лишь как объект исследования? Об этом мы уже никогда не узнаем, но пока его главный труд, выдержавший много изданий, – «Оккультизм и магия» – продолжает публиковаться и в наши дни (см. фото). Для беглого знакомства с книгой достаточно сказать несколько слов о ее содержании.

«Традиция оккультизма восходит к самой далекой древности. Она представляет тайны, – пишет Тухолка, – которые раньше хранились египетскими жрецами и индийскими брахманами... Предания оккультизма разделяются на две ветви: западную и восточную, индийскую, донные культивируемую в Индии, выразившуюся в Европе в теософизм» [Тухолка, 2013, с. 7]. Он утверждает: «...оккультизм встречает обширное поприще для

⁴ Тухолка – Зиновьеву. 7 (20) марта 1908 г. [АВПРИ, ф. Посольство в Константинополе, 1908 г., д. 2027, л. 45–46об].

⁵ Тухолка – Зиновьеву. 1 (14) октября 1908 г. [АВПРИ, ф. Посольство в Константинополе, д. 2027, л. 174–175].

работы. Спиритизм, магнетизм и гипнотизм дают ему массу материала. Затем добросовестный исследователь должен признать наличие фактов телепатии, ясновидения, предчувствия, исполнения иных предсказаний и прочее» [Там же, с. 8–9].

И еще: «Окультисты стремятся проникнуть в психический мир человека, принимая за основание исследований существование души. Между тем психология, которая основывается на физиологии, осуждена на бесплодность, ибо нельзя объяснять явления духа, не зная сущности духовной жизни» [Там же].

Показательны названия разделов и глав книги российского дипломата-окультиста. Приведем некоторые из них: «Астрал»; «Элементали»; «Астроидеи»; «Астральные клише»; «Эгрегоры»; «Инкубизм»; «Ликантропия»; «Элементеры»; «Вампиризм»; «Психометрия»; «Материализация астрала (Вызов духов)»; «Энвольтование»; «Спиритизм» и т.д.

Остается неизвестным, интересовался ли дипломат оккультной темой во время его пребывания в Хиджазе и оказывало ли это увлечение какое-либо влияние на его основную деятельность.

С.В. Тухолка ушел из жизни 3 декабря 1954 г. При любезном содействии В.А. Кузнецова удалось разыскать его могилу на парижском кладбище Пантен, участок 11, ряд 15, захоронение 15 (см. фото). Могила находится в ужасном состоянии; когда-то поставленный здесь гранитный памятник разрушен; над ней, единственной в ряду, растет куст терновника со зловеще-яркими красными цветами, как бы напоминающими о пристрастии покойного к мистике. В могилу позднее были подхоронены еще два человека – его жена и сын, на котором род дипломата скорее всего прервался.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аншаков Ю.П. Российская дипломатия о положении славянского населения Старой Сербии (1902–1912 гг.). *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2014. Т. 16, № 3. С. 170–189 [Anshakov Y.P. Russian diplomats on the status of slavic population of the Old Serbia (1902–1912). *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2014. Vol. 16, No. 3. Pp. 170–189 (in Russian)].

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонды «Посольство в Константинополе», «Политархив», «Турецкий стол» [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire. F. “Embassy in Constantinople”, “Politarchive”, “Turkish Table”].

Наумкин В.В. *Несостоявшееся партнерство. Советская дипломатия в Саудовской Аравии между мировыми войнами*. М. ИВ РАН, 2018 [Naumkin V.V. *Failed partnership. Soviet diplomacy in Saudi Arabia between world wars*. Moscow: IOS RAS, 2018 (in Russian)].

Тухолка С.В. *Окультизм и магия. Процессы о колдовстве*. Нижний Новгород: А.Г. Москвичев, 2013 [Tukholka S.V. *Occultism and magic. Witchcraft processes*. Nizhnii Novgorod: A.G. Moskvichev, 2013 (in Russian)].

Тухолка С. Русские паломники в Хиджазе. *Министерство иностранных дел. Сборник консульских донесений*. Год четвертый. Выпуск VI. 1901. С.-Петербург: Товарищество Художественной Печати, Английский, 28. 1901 [Tukholka S. Russian Pilgrims in Hejaz. *Ministry of Foreign Affairs. Collection of Consular Dispatches*. The Fourth Year. Issue VI. 1901. Saint-Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy Pechati, Ahgliyskiy, 28. 1901].

Шерих Д.Ю. *По улице Марата*. М.–СПб. Центрполиграф, МиМ-Дельта. 2004. Дом 23 [Sherikh D.Yu. *Along Marat Street*. Moscow–St.-Peterburg: Tsentrpoligraf, MiM-Delta, 2004. Building 23].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАУМКИН Виталий Вячеславович – академик РАН, почетный президент Института Востоковедения РАН, Москва, Россия.

Vitaliy V. NAUMKIN, Academician of RAS, Honorary president of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.